

Объ очень чудномъ наказаньѣ
 Парищей Ольгою древлянъ,
 Какъ всякій рыцарскій романъ,
 Какъ предреченіе кометы,
 Какъ Фонтенели и Боннеты...
 Въ козла запрятался Иманъ,
 Какъ русскій прячется въ кафтанъ
 Въ козлины лапы всунуль ноги,
 На головѣ явились роги,
 Съ когтями, бородой, хвостомъ,—
 И, словомъ, сдѣлался козломъ.

Коль говорить вамъ правду надо,
 Я не видалъ сего наряда;
 Но будь на мѣстѣ я—не я,
 Когда, хоть каплю отъ себя,
 Въ моемъ разсказѣ я прибавилъ:
 Мнѣ это свѣдѣнье доставилъ
 Одинъ пріѣхавшій арабъ,
 По имени *Ври-ли-ханъ-Ханъ*.
 Онъ человѣкъ весьма пріятный
 И, чтò важнѣе, вѣроятный—
 Не лжетъ ни слова,—и онъ самъ
 Свидѣтель этимъ былъ дѣламъ.

Спустилась ночи колесница;
 Небесъ лазоревыхъ царица,
 Блеснула блѣдная луна;
 Умолкло все, и тишина
 Простерлась въ дремлющемъ селенъѣ.
 Свершивъ обряды омовенья,
 Облобызавши алкоранъ,
 Семейства мирныхъ мусульманъ
 Предались сладкому покою.
 Одинъ, съ преступною душою,
 Въ одеждѣ бѣса и козла,
 Забывъ, что бодрствуетъ Алла,
 И видятъ все Пророка очи,—
 Одинъ лишь ты во мракѣ ночи,
 Иманъ-чудовище, не спишь,
 Какъ тѣнь нечистая, скользишь,
 Какъ духъ, по улицѣ безмолвной,
 Корысти гнусной, злобы полный!—
 Ты не Иманъ, а Вельзевулъ!

И вдругъ встревоженный Абдулъ—